

Глава 17. Сохранить одну звезду

Старый оракул не понимал, откуда у Цю Бодэна взялась смелость снова атаковать, находясь под давлением «Великой формации восьми циклов покорения чистоты».

Эта формация состояла из четырёх групп колоколов, отгоняющих зло, по тридцать шесть колоколов в каждой. На них были выгравированы четыре образа из «Книги Перемен»: старый ян, молодой инь, молодой ян и старый инь, и расположены они были в порядке восьми циклов. Человек, отягощённый негативной кармой, попав в эту формацию, был подобен снегу, брошенному в кипяток — ему было бы трудно даже просто устоять на ногах. Сто сорок четыре медных колокола, каждый из которых испускал тридцать лучей чистого света, поглощали всё внутри формации. Даже самые густые миазмы, самая многочисленная нечисть в таком сиянии развеялись бы без следа.

Даже самому старому оракулу пришлось отступить за пределы формации.

Дзинь!

Чернильная линия разорвала ослепительную белизну сверху донизу, словно на белом листе бумаги, поднесённом к огню, сначала появляется чёрный след, а затем вспыхивает красное пламя. Цю Бодэн, держа меч, медленно вышел из мира света. Острие меча Тайи было опущено к земле.

За его спиной медные колокола падали на землю, а железные цепи рвались.

Формация была сломлена!

— Четыре... четыре отсутствия форм.

Но когда он встретился с этими чисто-чёрными зрачками, по спине старого оракула пробежал ледяной холод, подобный змее.

Четыре отсутствия форм.

Изначально это было частью дзенского учения школы Будды. По мере того как учение Пуду распространялось по миру и смешивалось с боевыми искусствами, мастера меча и клинка стали использовать этот термин для описания состояния просветления при нанесении удара.

«Отсутствие формы неба, отсутствие формы земли, отсутствие формы человека, отсутствие формы всех живых существ!»

В Двенадцати областях Срединной земли было бесчисленное множество воинов, но лишь

единицы достигали состояния четырёх отсутствий форм. Это требовало полного отрешения от выгоды и потерь, от победы и поражения, даже от самой жизни и смерти! Требовало, чтобы сердце было подобно пустому небосводу, свободному от пыли и грязи. Лишь тот, кто отвергнет всё, сможет обрести всё!.. Но как это возможно? Все знали, что маленький предок-наставник школы Тайи, едва прибыв в город Фу, устроил переполох из-за обеда. Он был человеком, которого нужно было улаживать всеми благами мира!

Как такой человек мог достичь состояния, в котором нет ни неба, ни земли, ни других, ни себя?!

Цю Бодэн опустил свои длинные ресницы.

Огонь бросал на его бледное лицо то яркие, то тёмные тени. Он поднял меч перед собой, и его бледные пальцы скользнули по лезвию, дюйм за дюймом, словно совершая древний и торжественный ритуал. И по мере того, как его пальцы скользили по мечу, старый оракул вдалеке чувствовал, как пронизывающий до костей холод пробирается в его тело.

Старый оракул не осмелился больше ждать. Взмахнув парными клинками, он с рёвом бросился в атаку.

Пальцы Цю Бодэна коснулись острия меча. Он плавно взмахнул им, описав в воздухе идеальный полукруг.

С едва слышным звуком, будто игла вонзилась в наждачную бумагу, огонь на Восточной третьей улице на мгновение разделился на две части — верхнюю и нижнюю. И лишь в следующий миг, когда налетел порыв ветра, пламя снова слилось в одно.

Руки старого оракула, державшие клинки, задрожали так сильно, что он едва их не выронил.

Он сплюнул кровь, и его тело обмякло. Он потерял всякую волю к сражению и, развернувшись, бросился бежать.

Цю Бодэн не стал его преследовать.

Дон.

Едва старый оракул развернулся, как он «преклонил колени» лицом к божественному дереву Фу.

Его торс и ноги отделились друг от друга с гладкостью, подобной зеркалу. Он парировал удар Цю Бодэна своими парными клинками, но ци меча прошла сквозь них, разрубив его пополам и заодно сокрушив его три души.

Цю Бодэн, глядя, как старый оракул преклонил колени перед божественным деревом, оставался бесстрастным. Через мгновение его тело качнулось, и он упал навзничь в догорающий огонь.

Серебряное сияние, падавшее с листьев дерева фу, отразилось в его прекрасных чисто-чёрных зрачках.

Словно на ночном небе зажглась крошечная звезда.

***

Бронзовый длинный топор Пи Му с глухим стуком упал на землю.

— Так... ты, ты...

Он опустил голову и посмотрел на алый клинок, пронзивший его грудь. Он не смог договорить — клинок повернулся и разорвал его сердце в клочья.

Ши Уло бесстрастно вытащил свой длинный клинок.

Пи Му застыл. Его тело, словно старая стена, начало трескаться и осыпаться. На его лице застыла искажённая улыбка. Он вспомнил слова Ши Уло... этот безумец сказал, что дал клятву. На небесах и на земле, кто из людей, богов, демонов и призраков не давал клятв? Но клятвы — это всего лишь клятвы. Лишь немногие, обладающие выдающейся силой воли, способны их сдержать. Для большинства же они — лишь выражение бессилия и отчаяния, обречённые на забвение и предательство.

Но клятва этого безумца...

Да разве это была клятва?

Это... это...

Бедствие.

Неизбежное бедствие.

Ши Уло вложил клинок в ножны. Движением правого рукава он обнажил запястье, на котором был браслет. Тёмно-золотой старинный браслет с двумя драконами Куй, точь-в-точь такой же, как на левом запястье Цю Бодэна. Не говоря больше ни слова, он развернулся и ушёл.

Облако золотой пыли взорвалось в густых миазмах и медленно осело.

***

Занебесье, Верхние Небеса, Павильон Божественных ниш.

В павильоне, ярко освещённом, как днём, горели тысячи вечных светильников перед чёрными с золотом божественными стелами. В павильоне не было ветра, но пламя одного из светильников вдруг качнулось. Свет на мгновение блеснул и осветил имя, высеченное на стеле: «Бог Восточных пустошей Пи Му».

Треск, треск.

Сначала появилась одна трещина, а затем они, словно паутина, быстро покрыли всю стелу.

Хлоп.

Божественная стела рассыпалась в пыль, и вечный светильник погас.

Дон! Дон! Дон!

Из-за клубящихся облаков раздался тяжёлый звон колокола, пронзивший облака и эхом разнёсшийся по высоким небесам. В одно мгновение бесчисленные древние существа встрепенулись и пробудились от долгого сна.

***

Северные ворота города.

Лодка «Испуганный гусь» приземлилась посреди руин. Впрочем, даже сам владыка Павильона Гор и Морей вряд ли бы узнал в этом обломке свою драгоценную «Испуганный гусь»: лодка длиной в десять чжанов и высотой в три чжана теперь съёжилась до восьми чжанов в длину и двух в высоту. Острый и изящный нос и корма исчезли, плотно подогнанные рёбра корпуса были вогнуты и выгнуты, изящные крылья-панели, похожие на крылья сокола, облезли, словно у ощипанной утки, а о трёх парусах, подобных перламутровым раковинам, и говорить нечего... остался лишь один маленький жалкий клочок, болтавшийся на сломанной мачте.

На палубе вповалку лежали Цзо Юэшэн, Лу Цзин и Лоу Цзян.

Лоу Цзян, опираясь на руки, шатаясь, поднялся, в три приёма добрался до борта «Испуганного гуся», медленно перевесился через него и, открыв рот, принялся извергать из себя всё

съеденное.

— Эй, Лоу... — Цзо Юэшэн, лежавший ничком на палубе, слабо пошевелил пальцами. — Будь добр, подними меня. Если меня стошнит здесь, я захлебнусь собственной рвотой.

Лоу Цзян не обратил на него внимания.

Этот парень был просто невыносим.

Когда они были в воздухе, он кричал бесчисленное множество раз: «Дайте мне порулить!», но эти два идиота не обращали на него никакого внимания. А как только они отделились от центра города, Цзо Юэшэн вместе с Лу Цзином силой отобрали у него штурвал. Как только штурвал оказался в руках Цзо Юэшэна, Лоу Цзян просто закрыл глаза.

Когда за штурвалом этой лодки оказывался Цзо Юэшэн, она переставала быть «Испуганным гусем», а становилась «Испуганной душой»!

Быть способным разбить по одной лодке за каждый полёт — во всех Двенадцати областях и на всех тридцати шести заморских островах был лишь один такой мастер — молодой господин Павильона Гор и Морей. Других таких не было.

— Лоу Цзян? Братец Лоу? Старший брат Лоу... — заныл Цзо Юэшэн. — Добрый братец...

— Бле-э-э!

Лу Цзин, лежавший рядом, внезапно вскочил, подбежал к борту и принялся извергать из себя всё, что было внутри.

— Да захлебнись ты! — Лоу Цзяна только что рвало так, что, казалось, все внутренности вылезут наружу. Из рта и носа текла кислая жидкость. Теперь он, как лапша, сполз по борту, безвольно глядя в пустоту и уже достигнув просветления. — Как... как только вернусь в Павильон, я попрошу владыку отправить меня в гарнизон Города Бессмертия... В этом мире не могут сосуществовать человек по фамилии Лоу и имени Цзян и толстяк по фамилии Цзо.

— Ты... почему ты раньше не сказал? — спросил Лу Цзин, прерываясь, чтобы снова вырвать.

Вспоминая, как бесчисленное количество раз лодка чиркала по скалам, как бесчисленное количество раз углы стен проносились прямо перед носом... на всём пути к городским воротам большая часть опасностей исходила не от нечисти, вылезавшей из миазмов, а от Цзо Юэшэна за штурвалом.

Лу Цзин чувствовал, что отныне будет страдать от неизлечимой болезни, которую не сможет

вылечить даже его отец, король медицины, способный сращивать кости и оживлять мёртвых.

Болезнь называлась «тошнота при виде лодки».

— Хе-хе, — Лоу Цзян, овладев искусством выражать сильнейший гнев короткими звуками, что, видимо, было универсальным для всех времён и народов, усмехнулся. — Вы мне дали сказать?

И ведь правда, не дали.

Лу Цзин раньше и не догадывался, что Цзо Юэшэн так управляет летающими лодками. У него в голове от энтузиазма всё смешалось. Когда Цзо Юэшэн крикнул: «Именем нашей братской дружбы, оттащите этого парня!», Лу Цзин помог ему оттащить Лоу Цзяна. Теперь он вспоминал, что Лоу Цзян действительно пытался что-то сказать, но Цзо Юэшэн намертво зажал ему рот.

А когда штурвал оказался в руках Цзо Юэшэна...

Им было уже не до разговоров.

Лу Цзин, чувствуя свою вину, смущённо улыбнулся и быстро сменил тему:

— Толстяк Цзо! Ты сам управлял лодкой, почему тебя так же тошнит? Тебе не стыдно?

— Что за чушь собачья! — Цзо Юэшэн с трудом перевернулся на спину и раскинул руки. — Я что, от этого блюю? У меня духовная ци на исходе, вот и тошнит! Управление лодкой разве не требует духовной ци? Вы, блин, стоите и языком мелете!

Лоу Цзян и Лу Цзин хором ответили:

— Тьфу!

— ...Кхм-кхм, не будем об этом, — быстро сменил тему Цзо Юэшэн. — Смотрите, свет дерева фу вернулся в норму, значит, и с Цю Бодэном всё в порядке. А молодой господин Цю и впрямь... как там говорится? Ну, в книжках часто пишут, что неприметный монах-уборщик на самом деле владеет тайными техниками, а монах, что ест мясо и пьёт вино, на самом деле истинный архат?

— Это называется «настоящий мастер не показывает своего искусства, а тот, кто показывает — не настоящий мастер», — раздражённо поправил его Лу Цзин.

Цзо Юэшэн хлопнул себя по затылку:

— Точно-точно! Именно так! А вы не находите, что этот Цю — вылитый герой тех самых романов, которые так обожают сейчас все эти нежные барышни?

— Эта тема уже давно устарела! — с презрением сказал Лу Цзин. — Перед тем как я приехал в город Фу, сёстры из павильона «Пьянящий ветер» больше всего любили истории о мечнике, несущем на себе бремя дурной славы, который, претерпев унижения, погибает вместе со злом, жертвуя собой во имя праведного пути и навеки оставаясь в памяти потомков. Недавно была пьеса «Скорбный ветер», так там сказителя чуть не завалили цветами и фруктами, которые в него кидали.

— Твою мать! — Цзо Юэшэн подскочил. — Тьфу! Тьфу! Тьфу! Не каркай! Пошли, пошли, скорее посмотрим, не стал ли молодой господин Цю «навечно в памяти потомков».

Сказав это, он потянулся к штурвалу.

Лоу Цзян и Лу Цзин, словно тигры, бросились на него и, схватив с двух сторон, оттащили в сторону. Пока Цзо Юэшэн громко жаловался, Лоу Цзян взял управление «Испуганным гусем» в свои руки.

— Брат Лоу, ты веди, — сказал Лу Цзин со зверским выражением на лице. — Медленно! И стабильно!

Лоу Цзян кивнул.

«Испуганный гусь» медленно замахал своими обломанными крыльями, медленно оторвался от земли, медленно двинулся вперёд... Прошло много времени, а лодка сдвинулась всего на полчжана.

— Так тоже не надо, — тактично заметил Лу Цзин.

— Не в этом дело.

Лоу Цзян с непроницаемым лицом поднял голову и указал на лодку, ползущую со скоростью старой черепахи.

— Она сломалась.

Хлоп.

Последний клочок паруса вместе с верёвкой упал с неба и, не отклонившись ни на дюйм, приземлился прямо на голову Лу Цзина. Цзо Юэшэн, который до этого шумел, съёжился и, неловко хихикнув, замолчал.

Лу Цзин: ...

Ладно, придётся бежать пешком!

Молодой господин Цю! Ты только держись, не вздумай жертвовать собой во имя праведного пути!

***

— Да лучше бы я сдох! — в отчаянии выругался Цю Бодэн.

На Восточной третьей улице «Великая формация восьми циклов покорения чистоты» валялась в руинах. Старый городской оракул всё ещё «преклонял колени» перед божественным деревом. А сам Цю Бодэн, хоть и не пожертвовал собой, жить уже не хотел.

Больно! Больно! Больно!

Слишком больно!

Все мысли о небесах, земле и живых существах исчезли без следа. Осталось лишь одно всепоглощающее чувство — боль. Всё его тело болело так, словно каждую кость раздробили на куски, в каждой вене горел огонь. Плоть — не плоть, кости — не кости, он сам — уже не он. Хотелось потерять сознание, но он не мог.

— Проклятый меч! Ты же всегда хотел избавить мир от такого зла, как я? Давай, действуй! Быстрее!

Меч Тайи, брошенный им на землю неподалёку, на эти слова даже не шелохнулся.

Глаза Цю Бодэна влажно блестели от подступивших слёз.

Он, шатаясь, поднялся, спотыкаясь, подошёл, подобрал с земли снова ставший белоснежно-сияющим меч Тайи. Его пальцы дрожали от боли. Схватив меч, Цю Бодэн с трудом заставил себя унять дрожь в руке и, не говоря ни слова, решительно провёл лезвием по своей шее.

Лучше умереть, чем терпеть эту боль!

Но прежде чем лезвие коснулось кожи, его правую руку крепко схватили.

Рука, сжавшая его запястье, даже в отблесках пламени казалась неестественно бледной. Пальцы были тонкими и длинными, но сильными. Из-под тёмного рукава виднелся тёмно-

золотой браслет с драконом Куй.

Это была рука молодого мужчины.

<http://bllate.org/book/16967/1584657>